

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 9(091)(574)"14/15"

Трансформация политической легитимности Шайбани-хана как ключ к пониманию порядка написания "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани"

¹Али Резаипуя,

¹Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани" Бинаи Харави (1453-1512) являются одними из наиболее важных источников по истории Центральной Азии в XV-XVI веках, и с XIX века по ним проводились многочисленные исследования. Однако хронологический порядок их создания до сих пор остаётся предметом дискуссий. Подходы, применяемые до сих пор для решения этой научной проблемы основываются на текстологическом анализе рукописей и сравнении повествовательных структур. В настоящей статье предлагается новый подход, основанный на анализе эволюции концепций политической легитимности, отражённых в каждом из этих трудов. Предлагаемый вывод статьи заключается в том, что "Шейбани-наме" отражает ранний этап консолидации власти с акцентом на личной храбрости и поддержке племенной знати, в то время как "Футухат-и Хани" демонстрирует более позднюю стадию, характеризующуюся стремлением к централизации власти и использованию более сложных инструментов легитимации. Таким образом, можно предположить, что, хотя в существующих рукописях повествование "Шейбани-наме" продолжается на два года дольше событий, описанных в "Футухат-и Хани", по крайней мере, первоначальная версия "Шейбани-наме" была написана до "Футухат-и Хани". Результаты данного исследования могут способствовать лучшему пониманию истории Центральной Азии XV-XVI вв. и вопросов персидской историографии.

Ключевые слова: персидская историография, Бухарское ханство, династия Шайбанидов, Узбекское ханство, Мохаммад Шайбани-хан, Камаль ад-Дин Бинаи Харави

Для цитирования: Али Резаипуя Трансформация политической легитимности Шайбани-хана как ключ к пониманию порядка написания "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани" // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 138 – 143.

Поступила в редакцию: 11 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The transformation of Muḥammad Shaybānī Khān's political legitimacy as a key to understanding the spelling of the Shībānīnāma and Futūḥāt-e Khāni

¹Ali Rezaeepuya,

¹St. Petersburg State University

Abstract: Banā'i Heravi's Shībānīnāma and Futūḥāt-e Khāni are seminal sources for understanding the history of Central Asia in the 15th and 16th centuries. However, the chronological order of these texts remains a subject of scholarly debate. To address this question, the present study focuses on the expression of political legitimacy within each work. Through a discourse analysis of Bīnā'ī's portrayal of Muḥammad Shaybānī Khān (1451-1510), it investigates how shifting notions of sovereignty reflect the evolving needs and aspirations of the early Shaybanid state. The analysis suggests that the Shībānīnāma reflects an initial phase of Shaybanid rule, characterized by a reliance

on charismatic leadership and tribal alliances. Conversely, the *Futuhāt-e Khāni* portrays a maturing regime seeking centralized governance, legitimized through the incorporation of established Perso-Islamic norms and traditions. This ideological divergence lends support to the suggestion of a relative chronology: namely, that the *Shibānīnāma*'s foundational redaction likely predates the *Futuhāt-e Khāni*. Ultimately, this research highlights the intrinsic connection between textual production and the articulation of state ideology during the critical period of Shaybanid consolidation. It further emphasizes the value of political-theological discourse as a framework for understanding these significant historical texts.

Keywords: Persian Historiography, Khanate of Bukhara, Shaybanids, Uzbek Khanate, Muḥammad Shaybānī Khān, Banāī Heravi

For citation: Ali Rezaeepuya *The transformation of Muḥammad Shaybānī Khān's political legitimacy as a key to understanding the spelling of the *Shibānīnāma* and *Futuhāt-e Khāni**. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 138 – 143.

The article was submitted: February 11, 2025; Approved after reviewing: April 8, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

В конце XV века Мавераннахр переживал сложный кризис [2]. В этой обстановке одним из претендентов на гегемонию стал Мухаммад Шайбани-хан (1451-1510), внук узбекского хана Абуль-Хайра (1412-1468). Помимо практических проблем, связанных с завоеванием власти, Мухаммад Шайбани-хан столкнулся со значительной проблемой политической легитимации. Чингизидская легитимность, хотя и важная, оказалась недостаточной для консолидации его власти, поскольку в регионе существовали другие претенденты, возможно, имевшие более весомые права на основе этого принципа [13, с. 333-334]. Более того, в то время как чингизидская легитимность импонировала определённой части знати монгольских племён, она, напротив, могла делегитимизировать его правление в глазах значительной части оседлого таджикского населения и исламского духовенства [6, 7]. Утверждение себя в качестве султана в рамках традиционного ирано-исламского понимания также было затруднено, поскольку общество Мавераннахра не принимало завоевателя как легитимного правителя, а степная племенная знать не проявляла заинтересованности в установлении сильной централизованной власти [9]. Более того, социально-политическая элита городов Мавераннахра в значительной степени сохраняла лояльность Тимуридам, изначально отказываясь от союза с Шайбани-ханом [14, с. 187-190].

В ответ на такие проблемы, Шайбани-хан предпринял усилия по легитимации своей власти, изначально основанной на военной силе, обратившись к культурной элите, включая бюрократов, литераторов и исламских учёных. Ему требовалось создание текстов на персидском и чагатайском языках, представляющих его в качестве харизматичной и легитимной фигуры и проложить

путь к концентрации его власти. Камаль ад-Дин Бинаи Харави (1453-1512), ранее служивший при дворах Тимуридов и Ак-Коюнлу, являлся одним из представителей этой элиты и сыграл ключевую роль в продвижении политических амбиций Шайбани-хана.

Произведения Бинаи, связанные с Шайбани-ханом, и в частности "Шейбани-наме", с XIX века привлекали внимание таких востоковедов, как Э.Г. Браун, К.Г. Залеман, А.Н. Самойлович, М.А. Салье, А.А. Семенов, А.Н. Болдырев, Р.Г. Мукминова, С.К. Ибрагимов, Б.А. Ахмедов и др. [1, с. 20] (Подробную библиографию российских и советских исследований по данной теме см. в разделе "Литература" книги А.М. Мирзоева [5]). значительный вклад в изучение этой фигуры внёс таджикский исследователь Абдулгани Мирзоев, написавший монографию о Бинаи. Эта работа, ставшая одной из первых научных публикаций в области литературной критики в Таджикистане, была впервые издана на таджикском языке в 1957 году [4], а затем на русском в 1976 году [5]. В Советском Союзе отрывки из "Шейбани-наме" были опубликованы в русском переводе С. К. Ибрагимова и К. А. Пищулиной [3, с. 91-127]. В 1997 году японский исследователь Кубо также опубликовал критическое издание текста в Японии [11]. Тем не менее, в текстологическом изучении произведений Бинаи сохраняется ряд нерешенных вопросов, особенно в отношении датировки и характера двух его сочинений, посвященных Шайбани-хану: "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани".

Материалы и методы исследований

Основным материалом для исследования послужили два труда Бинаи: "Шейбани-наме" (использован критический текст, опубликованный в Японии [11]) и "Футухат-и Хани" (основана на рукописи, хранящейся в Таджикистане [10]). Ис-

следование проводится посредством сравнительного анализа указанных произведений, с целью выявления особенностей повествования Бинаи об эволюции власти Шейбани-хана и определения элементов политической легитимности, представленных в его изложении. На основе анализа эволюции формы власти и концепций политической легитимности, будет предложена новая интерпретация датировки указанных произведений, основанная на выявленных изменениях в повествовательных стратегиях Бинаи. Основной метод исследования заключается в рассмотрении текстов в их историческом контексте для определения точки зрения Бинаи на политическую легитимность. Для определения исторического контекста и анализа материалов, помимо указанных основных источников, использовались дополнительные источники.

Результаты и обсуждения

Уникальное значение историографии Бинаи заключается в том, что она может рассматриваться как единственное официальное персидское придворное повествование о правлении Шейбани-хана. Бинаи создал свою работу по прямому указанию Шейбани-хана и под его надзором [10, с. 15]. Известно, что, по крайней мере, одна из сохранившихся рукописей Шейбани-наме была создана Мирза-Му'мином Мунши, секретарем Шейбани-хана [1, с. 20].

Точная дата написания Шейбани-наме и Футухат-и Хани остаётся неясной, поскольку ни один из текстов не содержит прямого указания на год создания. Примечательно, что Шейбани-наме характеризуется более упрощённым повествованием и отсутствием чёткой логической структуры, однако представляет более полную хронологическую картину событий, нежели Футухат-и Хани, включая описание завоевания Хорезма. В свою очередь, Футухат-и Хани отличается более развитой риторикой, последовательной структурой и роскошный литературный стиль, но охватывает период лишь до завоевания Самарканда (906 /1500-1501) и не включает завоевание Хорезма (908 /1503). Неясно, почему Бинаи не продолжил описание военных кампаний хана после Хорезма, учитывая свидетельства, указывающие на его присутствие при завоевании Герата (913 /1508), где он выполнял функции сборщика налогов с поэтами [20, с. 169]. Более того, известно, что он прожил ещё два года после смерти Шейбани-хана. Следует также отметить, что другой исторический труд на чагатайском языке – "Таварих-и гузида-йи нусрат-наме", написанный под руководством Шейбани-хана, также охватывает события только до 1504 года [3, с. 12-13].

В связи с этим, можно выдвинуть две основные гипотезы:

1. Гипотеза о приоритете Футухат-и Хани: Ахмедов предполагает, что Бинаи первоначально создал Футухат-и Хани, однако эта работа не удовлетворила Шейбани-хана из-за её излишне литературного стиля. В результате хан приказал упростить изложение, после чего Бинаи написал Шейбани-наме и продолжил повествование [1, с. 20-21]. Действительно, известны случаи, когда правители степных империй отдавали предпочтение упрощенному стилю письма, избегая сложностей, присущих бюрократической прозе. Примером этого может служить приказ Тимура Низам-ад-Дину Шами в начале XV века, предписывающий создание хроники без преувеличений и риторических приемов, типичных персидскоязычных писарей [16, с. 11]. Однако, сохранившиеся свидетельства указывают на то, что Мухаммад Шейбани-хан, напротив, стремился продемонстрировать свою осведомленность о тонкостях персидской литературы и исламского богословия [19, с. 135-136]. Более того, следует отметить, что в самом тексте «Шейбани-наме» отсутствуют какие-либо указания на подобное изменение стиля по требованию хана, что противоречит гипотезе Ахмедова.

Основным аргументом Ахмедова является то, что Шейбани-наме охватывает события, происходившие в течение двух лет после событий, описанных в Футухат-и Хани, что, по его мнению, указывает на более позднее создание этой работы. Тем не менее, подобное заключение представляется недостаточно обоснованным.

Вполне возможно, что описание завоевания Хорезма представляло собой отдельный "Рузнаме-и футухат", который был добавлен к Шейбани-наме позднее, а более поздние рукописи воспроизвели оригинальную версию. Также нельзя исключить предположение, что, возможно, оригинальная версия Футухат-и Хани продолжала повествование и после завоевания Самарканда, однако три сохранившиеся рукописи, имеющие общее происхождение и созданные в более позднее время [1, с. 21], являются неполными. На самом деле повествование футухат-и хани в том виде, в котором существует в существующих рукописях, не имеет раздела «хатиме: заключение», и вероятно, что оно дошло до нас в неполном виде. Однако последнее предположение сталкивается с существенной проблемой. Как показало текстологическое исследование автора данной статьи, произведение начала XVII века под названием "Мусахир ал-Билад", созданное в Мавераннахре, заимствовало значительную часть своего повествования о ранних годах правления Шейбани-хана из Футу-

хат-и Хани. Это подтверждается наличием в "Мусаххир ал-Билад" отрывков из Футухат-и Хани, отсутствующих в Шейбани-наме (Например, глава 1 "Мусаххир ал-Билад" [15, с. 10] соответствует странице 35 "Футухат-и Хани", которой нет в Шейбани-наме. Или упоминание Тулун-Ходжи в "Мусаххир ал-Билад" [15, с. 32] соответствует странице 98 Футухат-и Хани, отсутствующему в Шейбани-наме. Следует отметить, что завоевание Хорезма, подробно описанное в Шейбани-наме, не упоминается ни в Футухат-и Хани ни в Мусаххир ал-Билад.). При описании политической жизни Шейбани-хана после завоевания Самарканда, включая завоевание Балха и Герата, а также битву при Мерве, автор "Мусаххир ал-Билад" опирался на "Хабиб ас-сийар" (созданный в 1523 году для Сефевидов). Это свидетельствует о том, что версия Футухат-и Хани, доступная автору "Мусаххир ал-Билад" в XVII веке, как и современные рукописи, ограничивалась описанием событий вплоть до завоевания Самарканда.

2. Гипотеза о приоритете Шейбани-наме: авторы МИКХ полагают, что "Футухат-и Хани" был написан позднее "Шейбани-наме", основываясь на его большей широте и более изысканном стиле [3, с. 94]. Хотя они не объясняют, почему "Шейбани-наме" хронологически более подробен, чем "Футухат-и Хани", данное предположение может быть подкреплено более логичной структурой "Футухат-и Хани", наличием введения и разделением на главы. Другим способом подтверждения этой гипотезы является метод, примененный в данной статье: сравнительное исследование интеллектуально-политического контекста обоих текстов. В последние годы были проведены исследования, показывающие влияние политических преобразований в Мавераннахре на культурные, например. Эти исследования демонстрируют параллельное существование узбекско-кочевых и таджикско-городских интеллектуально-политических традиций в Мавераннахре и постепенный их синтез. Изучение литературной эволюции региона в начале и конце XVI века наглядно демонстрирует эту эволюцию [8].

Сравнение Шейбани-наме и Футухат-и Хани с точки зрения политической легитимности: "Футухат-и Хани" содержит пять дополнительных фрагментов, акцентирующих вопросы политической легитимности. В предисловии Бинаи подчеркивает необходимость "хранителя исламского закона" и указывает на Шайбани-хана как на посланного Богом для восстановления порядка [10, с. 5-7, 19-20]. Далее, детально описываются пять качеств Шайбани-хана, оправдывающих его право

на халифат [10, с. 9-11], а также приводятся наставления хана о необходимости самосовершенствования и ведения "великого джихада" против внутренних врагов, поскольку именно они порождают внешние угрозы [10, с. 11-19, 128-132]. Завершает раздел притча о Соломоне и муравьях, иллюстрирующая необходимость справедливости и заботы о подданных для правителя [10, с. 181-177].

Различия в образе Шейбани-хана и представленных концепциях политической легитимности в "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани" заключаются в следующем. Во-первых, в "Футухат-и Хани" наблюдается большая тенденция к харизматической и централизованной легитимности, где Шейбани-хан представлен как герой-спаситель, приходящий для восстановления порядка [10, с. 19-20, 40 и 43], что соответствует идеи "Вечного возвращения" [14]. Во-вторых, в "Футухат-и Хани" возрастает роль хана, отражающая изменение его политического положения и переход к модели централизованной монархии. В данном произведении чаще упоминается о высоком происхождении ханского рода [10, с. 25, 42 и 186], в то время как в "Шейбани-наме" это упоминается лишь вскользь [11 с. 9]. В-третьих, "Футухат-и Хани" демонстрирует большую склонность к религиозной легитимации, изобилуя кораническими цитатами и религиозными обоснованиями [10, с. 25], в отличие от "Шейбани-наме", где они отсутствуют. В-четвертых, "Футухат-и Хани" в большей степени носит оправдательный характер, содержа многочисленные попытки оправдать действия Шайбани-хана, в то время как в "Шейбани-наме" события излагаются более реалистично и без оправданий.

Выводы

В данной статье, с целью уточнения датировки "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани" Бинаи, был проведен анализ эволюции концепций политической легитимности в историческом контексте. Результаты позволяют предположить, что "Шейбани-наме", отражающий образ степного хана и характеризующийся более простым стилем, с меньшим акцентом на харизматической и религиозной легитимности, вероятно, был создан первым, до завоевания Мавераннахра. "Футухат-и Хани", напротив, содержащий элементы централизованной и харизматической власти, указывающий на более развитую бюрократию и в большей степени соответствующий ирано-исламской традиции, вероятно, был создан позже, когда власть Шайбани-хана перешла от кочевой к оседлой государственности.

Список источников

1. Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. Ташкент: Фан, 1985. 264 с.
2. Камолов Х.Ш. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Мавераннахр и Хорасан. XVI в. Душанбе: Дониш, 2012. 408 с.
3. Ибрагимов С., Пишулина К., Юдин В. МИКХ – Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Ч. 2. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1969. 648 с.
4. Мирзоев А.М. Камал ад-дин Бинаи. Сталинобод: Академия и Фанхой РСС Точикистон. Институти забон ва адабиет, 1957 (на тадж. яз.). 479 с.
5. Мирзоев А.М. Камал ад-Дин Бинаи. М.: Наука: восточной литературы, 1976. 286 с.
6. Aigle D. The Mongol Empire between Myth and Reality. Leiden: Brill, 2014. 393 p.
7. Broadbridge A.F. Kingship and ideology in the Islamic and Mongol worlds. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 232 p.
8. Erkinov A., Rasuly-Paleczek G., Katsching J. (eds). The Poetry of the Nomads and Shaybani Rulers of Transition to a Settled Society // Central Asia on Display: Proceedings of the VII Conference of the European Society for Central Asian Studies (27-30 September 2000). Vienna: Lit verlag, 2004. P. 145 – 150.
9. Hope M. Power, Politics, and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford University Press, 2016. 256 p.
10. Kamāl al-Dīn Shīr ‘Alī Bannā’ī. Futuhat-i khani. Institute of Oriental Manuscripts Dushanbe, Manuscript No. 778-1 (in Persian). 206p.
11. Kamāl al-Dīn Shīr ‘Alī Bannā’ī. Shībānīnāma / Ed. by Kazuyuki Kubo, Eiji Mano. Kyoto, 1997 (in Persian). 93 + 67 p.
12. Khandamir Habib as-siyar / edited by J. Homai. Tehran: 2001 (in Persian). 669 p.
13. Mirza Muhammad Haidar Dughlat Tarikh-i-Rashidi / Edited by Abbasgholi Ghaffari-Fard. Tehran: 2004 (in Persian). 1070 p.
14. Mohammad Alem Sadeq Alavi Lamahat min nafahat al-quds / edited by M. ranjha. Lahour: 1986 (in Persian). 666 p.
15. Mohammadyar bin Arab Qatghan Musakhir al-Bilad / edited by Nadereh Jalali. Tehran: 2006 (in Persian). 548 p.
16. Nizam al-Din Shami Zafarnama / Edited by Felix Tauer. Tehran: Bamdad, 1984. (in Persian). 368 p.
17. Ruzbihan Khunji, Fazlullah Mihman-nama Bukhara / Ed. by Manuchehr Sotoudeh. Tehran: Elmi-farhangi, 1389/2010 (in Persian). 444 p.
18. Safa Z. History of Literature in Iran. Vol. 4. Tehran: 1364/1985 (in Persian). 607 p.
19. Subtelny M.E. “Art and politics in early 16th century Central Asia” // Central Asiatic Journal. 1983. Vol. 27. No. 1/2. P. 121 – 148.
20. Sam-Mirza Tuhfa Sami / Edited by Roknuddin Homayun-farrokh. Tehran: 1966 (in Persian). 438 p.

References

1. Akhmedov B.A. Historical and geographical literature of Central Asia of the 16th-18th centuries. Tashkent: Fan, 1985. 264 p.
2. Kamolov HSh. History of the invasion of the nomadic tribes of Dasht-i Kipchak into Maverannahr and Khorasan. 16th century. Dushanbe: Donish, 2012. 408 p.
3. Ibragimov S., Pishchulina K., Yudin V. MIKH – Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th-18th centuries (extracts from Persian and Turkic works. Part 2. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1969. 648 p.
4. Mirzoyev A.M. Kamal ad-din Binai. Stalinobod: Academy and Fankhoi RSS Tojikiston. Institute of zabon va adabiet, 1957 (in Tajik). 479 p.
5. Mirzoyev A.M. Kamal ad-Din Binai. Moscow: Science: of Eastern Literature, 1976. 286 p.
6. Aigle D. The Mongol Empire between Myth and Reality. Leiden: Brill, 2014. 393 p.
7. Broadbridge A.F. Kingship and ideology in the Islam and Mongol worlds. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 232 p.
8. Erkinov A., Rasuly-Paleczek G., Katsching J. (eds). The Poetry of the Nomads and Shaybani Rulers of Transition to a Settled Society. Central Asia on Display: Proceedings of the VII Conference of the European Society for Central Asian Studies (27-30 September 2000). Vienna: Lit verlag, 2004. P. 145 – 150.

9. Hope M. Power, Politics, and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford University Press, 2016. 256 p.
10. Kamāl al-Dīn Shīr ‘Alī Bannā’ī. *Futuhat-i khani*. Institute of Oriental Manuscripts Dushanbe, Manu-script No. 778-1(in Persian). 206p.
11. Kamāl al-Dīn Shīr ‘Alī Bannā’ī. *Shibānīnāma*. Ed. by Kazuyuki Kubo, Eiji Mano. Kyoto, 1997 (in Persian). 93 + 67 p.
12. Khandamir Habib as-siyar. edited by J. Homai. Tehran: 2001 (in Persian). 669 p.
13. Mirza Muhammad Haidar Dughlat *Tarikh-i-Rashidi*.Edited by Abbasgholi Ghaffari-Fard. Tehran: 2004 (in Persian). 1070 p.
14. Mohammad Alem Sadeq Alavi *Lamahat min nafahat al-quds*. edited by M. ranjha. Lahour: 1986 (in Persian). 666 p.
15. Mohammadyar bin Arab Qatghan *Musakhir al-Bilad*. edited by Nadereh Jalali. Tehran: 2006 (in Persian). 548 p.
16. Nizam al-Din Shami *Zafarnama*. Edited by Felix Tauer. Tehran: Bamdad, 1984. (in Persian). 368 p.
17. Ruzbihan Khunji, Fazlullah Mihman-nama *Bukhara*. Ed. by Manuchehr Sotoudeh. Tehran: Elmi-farhangi, 1389/2010 (in Persian). 444 p.
18. Safa Z. History of Literature in Iran. Vol. 4. Tehran: 1364/1985 (in Persian). 607 p.
19. Subtelny M.E. “Art and politics in early 16th century Central Asia”. *Central Asian Journal*. 1983. Vol. 27. No. 1/2. P. 121 – 148.
20. Sam-Mirza *Tuhfa Sami*. Edited by Roknuddin Homayun-farrokh. Tehran: 1966 (in Persian). 438 p.

Информация об авторе

Резаипуя Али, соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет, ali.rezaee.puya.ir@gmail.com

© Резаипуя Али, 2025